

The image shows the interior of a bus, looking towards the front. Rows of blue seats with metal handrails are visible. The ceiling is metallic and has some lights. Large windows on the left and right sides offer a view of the outside world, including a road with a car and utility poles. The text is overlaid on the lower part of the image.

Паша
Мысковских

Покидая южную окраину

16+

Паша Мысковских

Покидая южную окраину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640434

SelfPub; 2019

Аннотация

В данном сборнике представлены стихи одного из представителей тульского поэтического течения, именуемого "Поэтический Безпредел". Рабочие районы Тулы представлены глазами автора с некоторой подоплёкой личных философских и бытовых соображений.

От автора

Сборник стихов поэзии и географии от человека с Менделеевского

посёлка. В этих строчках скрывается абстрактное путешествие в эстетику Тулы без гламурных районов и новых пафосных пространств. Философия индустриальных районов с многолетней историей в совокупности с жизненными перипетиями упакованы в следующие 270 строк.

Элегии южной окраины

Дождь. Трамвай и путь домой.

Типичный пейзаж недели.

Вот собака лает на Луну,

Ночь уж больше не живёт в этом брэнном теле.

Утро. Солнце. Новые мечты.

Так хотелось снова жить.

День не жалеет – забирает всё,

В полночь жизнь на время завершает нить.

Выбор жизни. Край родной.

Думал ты найти своё вчера.

С выходных идёшь через чёрный ход -

Мало так всего остаётся навсегда.

Слишком ранняя осень

Ах этот сентябрь в августе

Холодней чем январь в моём сердце.

Жизнь прожита зря,

Словно в томатный гёзе забыли добавить перца.

Меня уже не спасти,

Не греют как прежде старые килогерцы.

Лето придёт в октябре,

Белого флага нет, возьму в аренду белые полотенца.

Кричат: "Палево, мусора",

Тонет чей-то товар, а мне что за дело?

Ты набьёшь себе купола,

Но я это ждал, зря меня удивить захотела.

Мне вновь двадцать лет

Но в 32 неведомы старые пределы.

Замерзает небесный эфир,

А в нём вновь слышны из 92-го года напевы.

В твоих глазах

В твоих глазах я вижу море планеты Солярис,

Только бездна его остановит мой суицид.

Знай бы ты это всё – ты б рассмеялась,

А я продолжил свой собственный геноцид.

В твоих глазах я увидел чудные грёзы:

Я глажу (мысленно) твои волосы, целую грудь,

Я нежно ласкаю твоё тело сквозь слёзы

И в эти моменты – не преследует меня грусть.

Я вновь ощущаю в твоих глазах призыв -

Живи, создавай, всей душою люби, твори!

Хоть не вижу я их.. а ты не напишешь,

Ведь не создан смог лета 2010-го для любви.

А может и лучше, что мы не делили ложе,

Никто никого не обязывал в тоске прозябать.

Ты можешь слушать мои любимые песни, я твои – тоже..

Но я в Новый год отправляюсь бухать.

0.5 Jaguar & 1.5 Fosters

Сажу один в холодной тьме,
Пусть мы ничто я это знаю.

И время встало на нуле,

Но я тебя не забываю.

Не знаю роли я своей,

И нужных слов не подбираю.

Мысль рвёт все провода в бреду,

Чтоб увеличить только пустоту.

Нет километров, дней, секунд,

Не существуют ни зима ни лето.

Есть только я, есть ты,

Но для чего, скажи, всё это?

Насколько вечно это всё?

Ничто – вся значимость ответа.

Ни грязь и блеск этой ночи,

Ни чистота и тупость солнечного света.

Пусть чувство устремиться в бесконечность,
А боль сведёт меня к нулю.

Застынет на секунду вечность,

Смерть не убьёт печаль мою.

Луна и тень играют,

Рисуя параноид всей картины.

Стою я с сигой, вечно жду

Твой выстрел в раненую спину.

Тургенева, 7

Мы с тобой давно потерялись,
А ведь было всё будто вчера.

Ты не постила тупые стереотипы,

Я не знал худшие альбомы Сан Ра.

Ты палила глаза мои солнцем,

Виден был нормы жизни портал.

Тогда путался я в своих чувствах,

Но так крепко в те дни не бухал.

Я не верил армянским таксистам,

Знал – спокойно к тебе приду.

Но второй уж день вспоминаю,

Как попал в крошечную мглу.

Изнутри теперь всё пылает,

Чувств у нас словно кот наплакал.

За тебя всегда я бокал поднимаю,

А говорю, что пью за Ромелу Лукаку.

Центральный район

Вниз по проспекту Ленина

У похмелья вкус Италии

И другого не дано.

Хочу обнять её чуть ниже талии,

Но вот вопрос – кого?

Где теперь твои принцессы?

Их унёс с собою вдаль прогресс.

Культ успеха красит стрессом

Жизни мендельских повес.

Заступаешь ты в чертоги -

Четыре все твои стены.

Отмеряют тебе Боги

Видеть в них лишь сны свои.

В любовь поверить очень сложно,

Что тебе вся эта доброта.

А порой и невозможно,
Если сделан шаг с моста.

Оружейная, 40

Я с бутылкой Лёвенбрау
Выйду в скверик на тропу.

Я вчера был очень пьяный ,

И с утра хожу в бреду.

Повернусь я прямо к дому.

На второй подъезд смотрю.

Когда нужно вернуть трезвость

Я всегда иду к Баду.

Пусть мешал ты водку с феном

С семейной драмой на ходу,

Ты умел открыть советом

То, что сам я не найду.

Но тебя пять лет как нету,

И порой в твой двор иду,

Поднимаю я свой кубок

За тебя, мой брат Баду.

Пророк

Был со мной белый конь с крапинкой,

Но в твой храм не пустили меня.

Мне оставалось подчиниться -

На вороного сменить коня.

Мне влюблённым пришлось быть по уши,

Жил совсем как конченный лох.

Но Господь миновал горькой участи -

Чёрный с белым конь взял и издох.

Забрала лет пять тоска черная,

Я вернул белого коня.

Да... тебе не понравились крапинки,

Но живёт-то он у тебя.

А ушёл я великой пустынею,

Для умерших запела труба.

И неведомо больше призвание,

Коль хватает воды и вина.

Ты знаешь – я чист перед Богом,

Пусть в похмелье весь и босой.

Ведь сказал ещё лет в одиннадцать:

"Буду всю жизнь холостой".

Московский вокзал

Мне сегодня сказали:
«У тебя оторвётся тромб».

Я стоял на Московском вокзале,

Это был мой последний оплот.

Я вот придумал график,

Когда в детстве смотрел поезда.

Ждал, ты мне из окошка помашешь

И не тронет меня беда.

Теперь стою огорошен,

Этим письмом не в конверте.

Я – середняк по Булгакову,

Я очень внезапно смертен.

Не значится изобретений,

Нет полноты жизни на этом свете.

И не пожертвовал я собой,

Были б счастливыми дети.

Будут претензии с неба:

"Что ж помогло мне мук не терпеть?"

– Недостижимость её круглой попы

С этим карт-бланш на пиво Белый Медведь.

Зареченский район

Промышленный проезд

В этом доме живёт любовь,
Да скорее всего не одна.

В этом доме живёт любовь,

И она совсем не моя.

Не смотри на меня сегодня,

Ведь сегодня – это вчера.

Я уже от тебя отвернулся,

Я любил сегодня тебя.

А ты собрала свои вещи

И ударила в сердце мне.

Вот уже петлю я готовлю -

Нет желания жить на дне.

Но как Феникс перерождаюсь,

На тебя я с собакой смотрю.

Не люблю я тебя, точно знаю.

Потому что тебя я люблю.

Да и ты не люби меня лучше,

Путь наш будет очень жесток.

Если станешь для меня близкой,

То поймёшь – от тебя я далёк.

За секунды прожил я 2 жизни,

Не узнал я твой дом и подъезд.

Вот такие родные с тобой я и ты,

И Промышленный наш проезд.

Ул. Вяземская

Вечер. Город тихо курит

Ты мотаешь дни назад.

Ты забил сегодня трёшку,

Но признайся – сильно сдал.

Суббота. Бывшие Резервы

Побеждают тот Реднэк,

С сигаретой что на пару

Разносил ты в лучший век.

Где теперь Рэд Булл и водка?

Твои помыслы чисты:

Коли время позволяет

Можно скушать шаурмы...

Вечер. Город тихо курит.

Скупно падает слеза.

Этот город, падла, курит,

А тебе теперь нельзя.

По дороге в Торхово

Весной тяжело расставаться.

Заводить знакомства тоже не легче.

Талант твой больше не дружит со спиртом

Апокалипсис настал – надо прилечь.

Весной не бывает жалко печень

И почек принципиально тоже.

Перед глазами белеет потолок,

А закрываешь и видишь звёзды.

Друзья не вернулись из спячки,

Не сказали тебе за воровской кранк.

Белый Мишка стоит на синей тройке,

От похмелья спасает пост-панк.

Написан собственный конец света

Свежей весной под сладкий дым Верблюда

Любовь потихоньку вышла из тренда,

Просрочен счастливый билет в никуда.

Пролетарский район

Идиллия областной больницы

Мы уже старее стали,

Все в заботах и делах.

Мы на улицу не ходим

И сидим все в пивбарах.

И уже почти не помним

Как в последних попыхах

В Континент мы ссать бежали,

Выжрав пива во дворах.

Улица Щегловская засека

В этом месте должно быть так грустно,

Только мне отчего то всегда тут светло.

Дует ветер в душе моей и так стало пусто,

Что в сердце моём вновь появилось тепло.

Будто ты нашёл крайнюю точку для Тулы,

И попал в мир фантазий своих и грёз.

И для своей неведомой эфемерной цели,

Выворачиваясь наизнанку, но всё же живёшь.

Этот мир перемен над тобою не властен,

Не прошло ещё этих трёх с половиной лет,

За которые этот город отнял у тебя это всё,

Что ты вынес, покорив век терзаний и бед.

Ещё день и ты напишешь свою новую песню,

По мотивам вечерней прогулки из этих мест.

Или у ТуКЗ найдёшь гибель лучшему герою,
По дороге к любимой покурив за один присест.

Да вот они же понаписаны эти песни,

А рассказ твой любимых доводит до слёз.

Друзья твои променяли захолустье на Питер,

А ты одиноко дотянулся уже до нужных звёзд.

Но всё равно ещё ловишь счастья моменты,

Когда до боли защемляется твоего сердца стук.

Закрываешь глаза, видишь стадион Торпедо,

Всё те же Пашка с Настюшкой рядом идут.

Улица Баженова

С криками из окна

Бросаю бутылку другу в дорогу.

Хотел я стать ближе к тебе,

А сам приблизился к Богу.

Смерть теперь ищет меня,

Обивая кировской хаты пороги.

Раскроет Бог мой обман -

Не унести мне уже свои ноги.

А пока будет с чертями пир,

Во славу сил всевышних.

Как было заведено всегда

У людей для этого мира лишних.

Спасение есть – через дорогу

От меня стоит монастырь.

Но я опять записался на драку

В свой любимый пустырь.

Станция Криволучье

Шум рабочих, на небе тучи,

Пустотища куда ни смотри.

Также пусто в Туле вонючей,

Как я полон к тебе любви.

Ты же ехала этой дорогой,

Что идёт на восток с Тулы-3.

Но зачем ты вернулась новой,

Чтобы дрогнул мир изнутри.

Почему показала ты душу,

А мою обрекла вновь болеть,

И нашёлся у жизни смысл

От любви к тебе умереть.

Вот прошли километры улиц,

И упал я в постель твою.

Но не видят этого люди -

Пьяный для них на лавке я сплю.

Для подготовки обложки и всех иллюстраций издания использованы художественные работы автора.